

Давид Маркиш

# От Черты до черты

*к истории Еврейского антифашистского  
комитета*

*ФТМ*

УДК 82/821

ББК 84(2)

**Оригинал-макет книги для PoD-издания  
подготовлен ООО «Агентство ФТМ»**

**Маркиш, Д.**

От Черты до черты: к истории Еврейского антифашистского комитета. [Роман] / Давид Маркиш. — Москва: ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021. — 412 с.

ISBN 978-5-521-74567-8

Документальный роман Давида Маркиша «От Черты до черты» об истории общественной организации Еврейского антифашистского комитета (ЕАК), созданной по указанию Сталина в начале 1942 года при Совинформбюро. В комитет вошли представители советской еврейской интеллигенции из разных сфер деятельности: руководитель Совинформбюро Соломон Лозовский, писатели Илья Эренбург и Давид Бергельсон, поэты Самуил Маршак, Перец Маркиш, Лев Квитко, кинорежиссер Сергей Эйзенштейн, музыканты Давид Ойстрах, Самуил Гилельс, актер Вениамин Зускин. генералы Яков Крейзер и Арон Кац, академики Александр Фрумкин, Петр Капица, председателем комитета стал главный режиссер Московского государственного еврейского театра Соломон Михоэлс.

В послевоенные годы международные известность и связи ЕАКа стали мешать проводимой политике И. Сталина. После убийства в 1948 году председателя ЕАКа Соломона Михоэlsa было открыто «Дело ЕАК» и арестовано все руководство общественной организации. Все обвиняемые были приговорены к смертной казни. Пощадили только Лину Штерн – ученого, биохимика и физиолога, академика АН СССР. С этого момента начался процесс ликвидации «космополитов» и уничтожение остатков еврейской культуры в СССР.

Роман является одновременно исторически достоверной хроникой тех лет и историческим исследованием, основанном на документальном материале и личных воспоминаниях об отце — поэте Переце Маркише. В книге опубликованы избранные стихотворения Переца Маркиша и поэма «Сорокалетний».

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.*

ISBN 978-5-521-74567-8

© Текст. Маркиш Д. П., 2021

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2021

Приношу сердечную благодарность Фонду семьи Блаватник, без помощи которого эта книга не была бы написана, и моему другу Николасу Ильину, принявшему доброе участие в создании «Черты».

*Давид Маркиш*

## ПРОЛОГ. ЧЕРТА

---

Еврейская история сложена из сегментов, весьма условно связанных между собою неким подобием пуповины. Эта сегментарная цепочка увлекает и уводит исследователя в невообразимую глубину времен — туда, где кочевые древние евреи, немногим отличавшиеся от своих диких соседей, гоняли баранов и козлов по зеленым холмам Самарии и каменистым осыпям Иудеи... Быть может, оттуда и пошла наша национальная тяга к кочевью и привычка к перемене мест — свойство, несомненно способствовавшее выживанию народа в экстремальных обстоятельствах. Место рождения и страна проживания приходились еврею родиной, но — промежуточной родиной, коих немало встретилось на нашем историческом пути, и которые могли быть заменяемы одна другой. А истинной родиной, куда до поры, до времени и не чаяли вернуться, являлся Иерусалим, почти мифический и в то же время существовавший в действительности, в иудейских горах: «Пусть отсохнет моя правая рука, если забуду тебя, Иерусалим!» Эта исполненная драматизма клятва была знакома каждому еврею с детских лет, и не было такого, кто б ее не знал и не повторял. Этот обет связывал поколения и еврейские этносы, в лучшем случае знавшие друг о друге лишь по-

наслышке: эфиопских фалашей и курдистанских лахлухов, восточноевропейских ашкеназов и североафриканских сефардов, индийских Бней-Менаше и грузинских эбраэли. И, клянясь в верности Иерусалиму, все они, сообщая, ощущали себя детьми Авраама, Ицхака и Якова.

А потом духовный порыв иссякал, как и положено всякому порыву, и все они продолжали жить скучной обычной жизнью, по законам, продиктованным здравым смыслом и окружающей средой.

Приятно с теплой грустью вспоминать «старые добрые времена» — будь то пасторальные заботы о баранах и козлах исторической родины или сельская жизнь в местечках Черты оседлости, по соседству с белой козочкой, так красиво нарисованной Марком Шагалом и Эль Лисицким. Такие ностальгические воспоминания возвышают тебя в собственных глазах.

Все мы вышли из Черты оседлости, как русская литература из гоголевской «Шинели». И остались от Черты лишь названия местечек да старинные кладбища с вросшими по пояс в землю покривившимися могильными плитами, покрытыми рыже-серым лишайником и полустертыми еврейскими письменами.

Караваны идут на Восток,  
Караваны еврейских кладбищ...

Кладбища остались, а люди ушли из страны, которая помещалась в границах Черты. Странная и уникальная эта страна называлась «Идишландия», хотя на географических картах такое название не значилось никогда. Евреи, говорившие на языке идиш, жили здесь сотни лет, во второй половине XIX ве-

ка их численность достигала пяти миллионов человек. Территория их, как нынче принято говорить, «компактного проживания» была широко распластана, она охватывала части современной Польши, Украины, Белоруссии, Литвы, Латвии, Бессарабии. Европейские государства спорили и вздорили, неверный политический ветер блуждал и менял направление — и государственные границы меняли свои очертания, земли переходили из рук одного правителя к другому, а вместе с землями и люди, их населявшие. Отношения Польши с Россией всегда оставляли желать лучшего, и Идишландию, подвешенную между этими двумя странами, кроили и перекраивали, как отрез ткани на портняжном столе. Жители послушно оказывались то «под поляками», то «под москалями». Смена властей воспринималась ими с большим безразличием, а политический расклад трогал в последнюю очередь: погруженные в свою «идишкайт»<sup>1</sup>, они, в массе, ею и удовлетворялись и, держась особняком от «гоев», вели замкнутый образ жизни. Идишландия, строго говоря, была одним огромным гетто со своими, специфическими особенностями.

Были там, как заведено в нашем мире, и неимущие до изумления, и богачи. Шолом-Алейхем своим безжалостным пером очертил, кто ж он таков — этот местечковый миллионер, вместе с раввином управлявший жизнью местечка: это тот, у кого есть сто тысяч. Действительно, такое трогательное представление могло сложиться лишь в среде легкомысленных и легковесных «торговцев воздухом».

Приспособленные к выживанию под гнетом, за долгие века блужданий по белу свету евреи развили в себе острые конкурентные качества и успешно пускали их в ход при неизбежных

---

<sup>1</sup> «еврейскую жизнь» (*идиш*).

контактах с людьми коренных народов, среди которых им доводилось селиться и жить. Так случилось и в России, после трех разделов Польши в 1772, 1793 и 1795 годах, когда к Российской империи отошли восточные польские территории, густо заселенные евреями.

Случилось это, собственно, еще раньше — в 1654 году, после захвата Смоленска царем Алексеем Тишайшим, отцом Великого Петра. В придачу к откушенной польской горбушке Тишайший получил, по разным сведениям, от десяти до пятнадцати тысяч евреев, с которыми «лицом к лицу» в таком количестве Россия не встречалась никогда прежде. Что делать с этими странно одетыми, говорившими на непонятном языке, замкнутыми в своей религиозно-национальной скорлупе новыми подданными никто не знал. И вот решили ничего с ними не решать и оставить их в беспризорном небрежении, как будто они и не значились среди других «военных трофеев». А наиболее предприимчивые из них, единицы, оказавшись «под русскими», присмотрелись к ситуации и подались из Смоленска на Москву в поисках удачи и денег. К этим «единицам» относились яркие люди: Павел Шафиров — отец будущего вице-канцлера барона Петра Шафирова, Веселовские, Евреиновы. Само собою разумеется, все они крестились, приняли православную веру и получили новые, русские имена — это было необходимо, без этого нечего было и думать о поступлении на государеву службу и карьерном росте. Некрещеный отец барона Шафирова, по имени Шая, столь же непредставим в царском Посольском приказе, куда он, владея несколькими языками, поступил переводчиком, сколь невообразим в советские времена беспартийный в МИДе на Смоленской площади. Хочешь в МИД — вступи в партию, хочешь «делать карьер» в Посольском приказе — крестись. Вот Шая и крестился, исходя при

этом из незамутненных прагматических соображений. Можно не сомневаться, что новоявленный «Павел» в душе оставался пламенным иудеем, а сын его, вице-канцлер и барон, до конца своих дней в рот не брал свинины отнюдь не из гастрономических соображений.

Русские цари, надо отдать им должное, отнюдь не приветствовали появления евреев в России — за исключением ограниченного их числа в ряду иностранных специалистов, нанимаемых по контракту на государственную службу. И Екатерина Великая, подписывая 23 декабря 1791 года Указ об учреждении «Черты постоянной еврейской оседлости», вздохнула, надо полагать, с облегчением: теперь российским евреям было строго-настрого запрещено пересекать четко очерченную границу территории, отведенной им для проживания. Таким образом, предостережения, высказанные венценосными предшественниками Екатерины Второй, были приняты ею со всей серьезностью. Теперь евреям был заказан путь в столицы и города Внутренней России, чтоб не смущали доверчивого русского человека своей темной верой и не соревновались с ним в умении облапошить первого встречного-поперечного ради выгодного интереса.

Сенатор Гаврила Державин — тот самый, прославившийся благословением юного Пушкина (*Старик Державин нас заметил / И, в гроб сходя, благословил*), — приложил вельможную руку к созданию основополагающего документа «Положение об устройстве евреев 1804 года». «Еврейский вопрос» почему-то очень занимал сенатора-поэта, он глубоко его изучил и пришел к следующим интересным выводам: «Жида-арендаторы в корчмах продают вино днем и ночью... Сии корчмы соблазн для народа, там крестьяне развращают нравы...». И еще: «По собрании жатвы (крестьяне) неумеренны и неосторожны в расходах: едят, пьют, веселятся и отдают жи-

дам за старые долги и за попойки все то, что они потребуют; оттого зимою уже обыкновенно показывается у них недостаток... Так выманивают у них жида не токмо насущный хлеб, но и в земле посеянный, хлебопашные орудия, имущество, время, здоровье и самую жизнь... пьяных обсчитывают, обирают с головы до ног, и тем погружают поселян в совершенную бедность и нищету». И еще: «Трудно без погрешения и по справедливости кого-либо строго обвинять. Крестьяне пропивают хлеб жидам и оттого терпят недостаток в нем. Владельцы не могут воспретить пьянства для того, что они от продажи вина почти весь свой доход имеют. А и жидов в полной мере обвинять не можно, что они для пропитания своего извлекают последний из крестьян корм».

Ну, что ж, спасибо и на том, что обвиняет сенатор евреев Черты не по полной программе, а лишь отчасти, хотя и значительной... Но это еще далеко не все. Вникая в предмет своих исследований, влиятельный сенатор, пользовавшийся доверием царя Александра Первого и выражавший желание стать «куратором» всего российского еврейства, составил о нас куда как нелестное мнение: «Тунеядцы, они обманом и пронырством пребывали в изобилии за счет гостеприимцев, не занимались ремеслами и хлебопашеством». Дальше в лес — больше дров: «Жида умны, проникательны, догадливы, проворны, учтивы, услужливы, трезвы, воздержанны, скромны, не сластолюбивы и проч., но, с другой стороны, неопрятны, вонючи, праздны, ленивы, хитры, злы и т. д. ... ни перед кем не снимают своих ермолок ... Нравственного чувства у евреев вовсе нет. Не имеют они понятия о человеколюбии, бескорыстии и прочих добродетелях». А вот и вывод: «Таким образом, евреев род строптивый и изуверный, враги христиан, хотя по определению вечных судеб и останутся в неперменном своем рассея-

нии, дондеже угодно Всевышнему; но и в сем своем печальном состоянии получают образ благоустройства»<sup>1</sup>.

Нечего сомневаться, что за такие ужасные качества и злонамерения евреев ждали утеснения и кары: помимо решительного ограничения на право передвижения, им даже в самой Черте дозволялось селиться и жить лишь в специально оговоренных городах и местечках, но ни в коем случае не в сельской местности — в деревнях и селах. А почему? А потому, чтоб не подавали дурной пример и не действовали разлагающе на русских крестьян, в частности, не привлекали их к выпивке. А то без евреев русские крестьяне просто в рот не брали спиртного, и по сей день не берут...

Понятие «местечковость» в сознании русскоговорящих людей накрепко связано с узостью взглядов на жизнь, ограниченностью мышления и глухим провинциализмом. Такая оценка не беспочвенна, но несколько преувеличена. Местечковые евреи — эти обитатели местечек с нелепыми или смешными шолом-алеихемовскими названиями «Касриловка», «Тунеядовка» — предстают перед глазами жителей русских городов, удаленных от Черты оседлости, неприглядными и даже диковатыми существами. Зачем далеко за примерами ходить! Стоит лишь открыть повесть А. Чехова «Степь» с мастерски написанными портретами таких евреев, явившихся на страницы русской литературы прямиком из своей дикой глуши.

Ну вот, теперь пришло время разобраться с тем, что же это за зверь такой — «местечко». Для русского уха «местечко» — уменьшительное от «место». Получается, таким образом, —

---

<sup>1</sup> Державин Г. Мнение о евреях. М., 2015.